

К Р О К О Д И Л

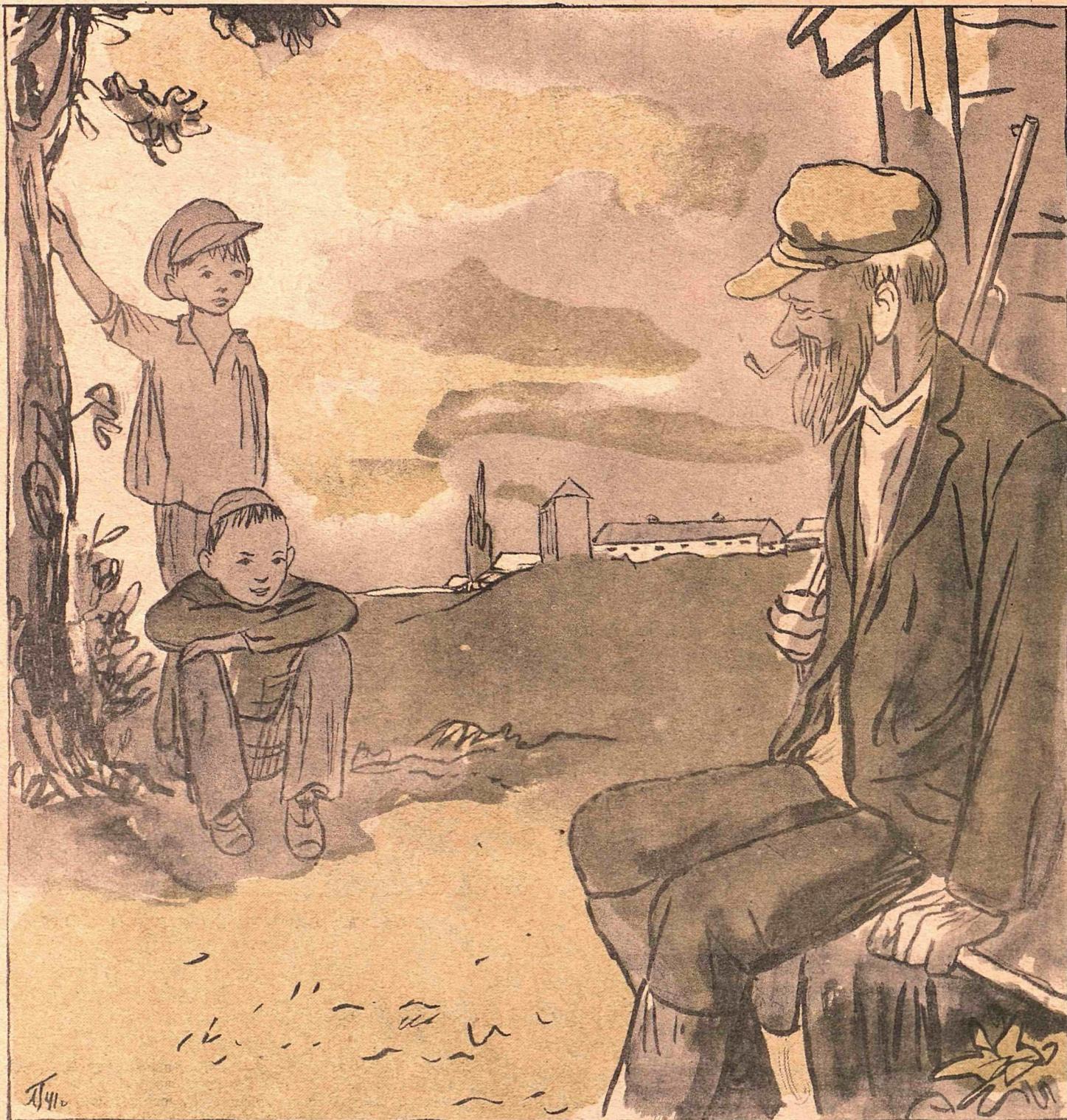

Каждый взнос в фонд обороны — удар по фашизму.

Рис. К. Елисеева

Выигрыши по облигациям, сданным в фонд обороны, пали на следующие номера...

Рис. Л. Генча

- Слыхали, ребята: на наше поле упали с неба диверсанты.
- А что с ними случилось?
- Отправили обратно на небо.

Народная шуточная

Никакой от нас пощады
Не увидит лютый враг.
Сколотили гроб дощатый,
Положили — и в овраг.

— Приготовьте, лесорубы,
Стеерсового дуба.

А гвоздильщики — гвоздей
Для непрощенных гостей.

А лудильщики — свища.
А колхозники — сенда.

А Трехгорка — полотна:
Яма будет холодна.

А штыков побольше — Тула.
А Урал — потолще дула.

Украина — обмолот.
Ленинград — Балтийский флот.

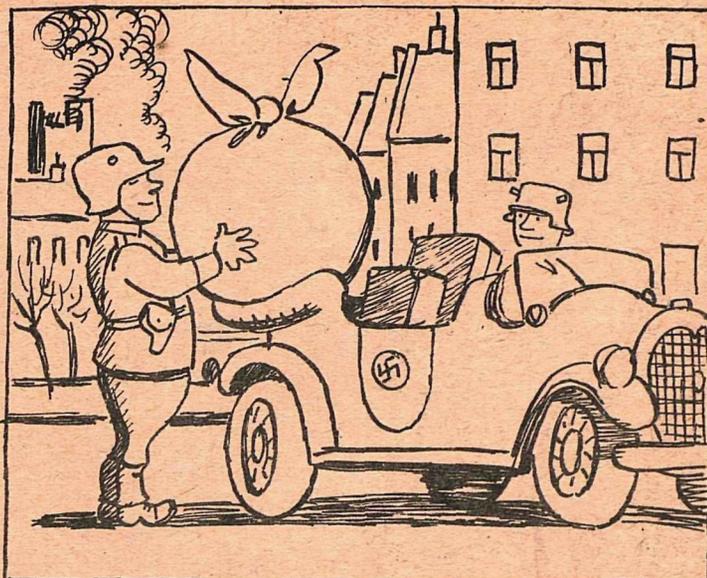
Остальные всем, чем могут,
«Дорогим гостям» помогут:
Кто лопатой, кто киркой,
Кто винтовкой, кто рукой,

Пусть он знает, герр немецкий,
Как чужое воровать.
Как с Республикой советской,
Как с народом воевать.

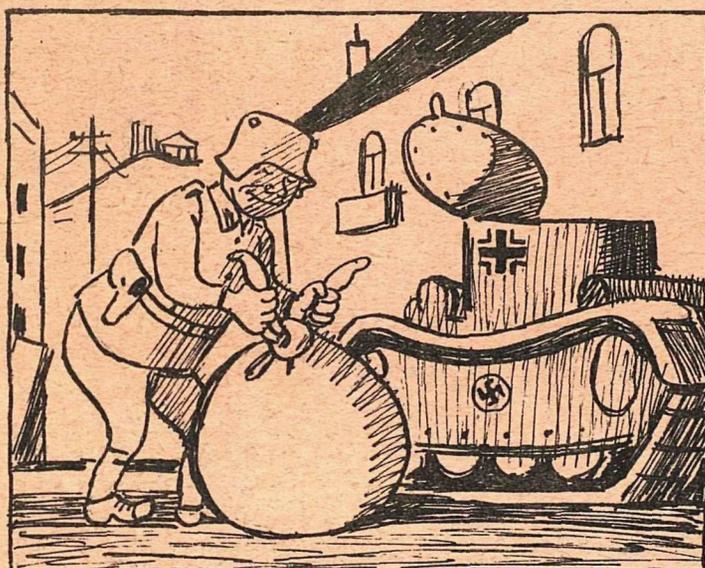
Иосиф УТКИН

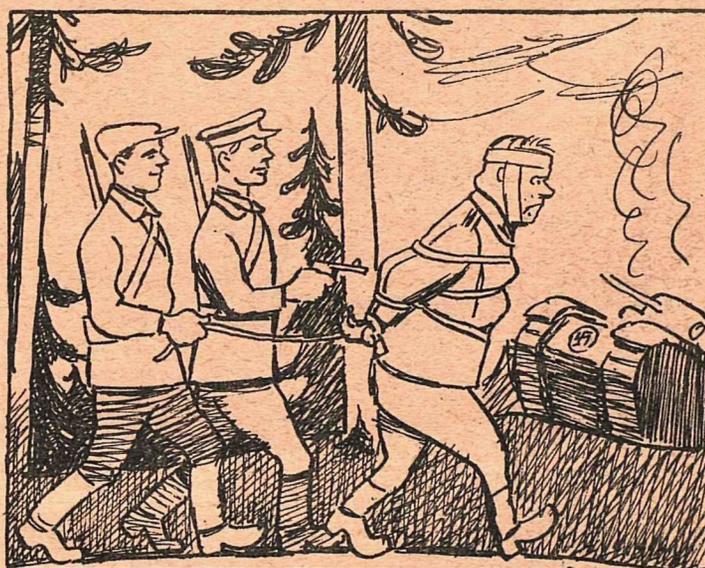
1. Узелок на память о Бельгии.

2. Узелок на память о Франции.

3. Узелок на память о Греции.

4. Узелок на память о Советском Союзе.

Слабые нервы

КАЖЕТСЯ, это Наполеон сказал, что для ведения войны нужны три вещи:

— Деньги, деньги и деньги.

Опыт нынешней войны показывает, что воюющие стороны должны, кроме всего прочего, иметь еще три вещи:

— Нервы, нервы и нервы.

Речь идет, конечно, не вообще о нервах, а о крепких нервах.

Именно о том, чего больше всего не хватает правящей клике в Берлине.

Судя по всему, фашистские нервы в последние дни сильно разыгрались. Это особенно видно по истерическим воплям официальных сводок с восточного фронта, по тому тревожному беспокойству, которое сквозит в каждой строчке германских газет.

Когда человек мечется в испуге, он начинает заикаться и нести всякую околесицу.

За последние дни немцы несколько раз пускали в эфир сенсацию о вступлении германских войск в Ленинград.

Бесстрашный Геббельс два раза в день окружает Ленинград, входит в Киев, захватывает Харьков.

Вся эта несусветная брехня не от хорошей жизни.

Нервничают в Берлине. Мечутся в поисках головокружительных побед.

Но этих побед не видать.

Вместо этого голодное, обманутое, разочарованное население Германии видит каждый день бесконечные эшелоны с ранеными, прибывающими с Востока.

Солдаты с фронта пишут домой мрачные, беспокойные письма. Одураченные фашистскими обещаниями «легких побед», солдаты пишут: «Нет, Россия — это не Бельгия, это не Франция».

В оккупированных странах растет активный саботаж против германских захватчиков. Партизаны взрывают поезда с немецкими грузами.

Румыны не хотят воевать несмотря на все старания Антонеску.

Словаки с превеликой охотой сдаются в плен русским войскам.

Австрийцев приходится приковывать к пулеметам. Вероятно, для того, чтоб пулеметы не убежали от солдат...

Короче говоря, все идет не так, как задумано.

И маленькому Геббельсу приходится выдумывать большие победы. И летят в эфир сообщения о взятии Ленинграда, о полном уничтожении советских воздушных сил, о десятках тысяч красноармейцев, взятых в плен в каком-то сражении.

Крепкие нервы нужны были б сейчас Гитлеру и его шайке. Но где их взять?

Эта нервозность хозяев передается и слугам.

Надних итальянское радио, ничтоже сумняшеся, оповестило мир о том, что немцы на юге перешли Днестр и окружили Бобруйск.

Врать так врать. На юге у Днестра нет и не было никакого Бобруйска. Но чего только не сделаешь в угоду своему хозяину!

Жалко, что ли, еще разок брехнуть!

Нервы, нервы разыгрались и у хозяев и у слуг.

Финские холопы с восторгом описывают «победы» румын.

Румынские лакеи кричат о небывалых успехах белофиннов.

Венгерские наймиты вопят о победных маршах белофиннов и румын.

Те в свою очередь не остаются в долгу и красочно живописуют военные действия венгерцев.

А вся лакейская вместе, истерически завывая, славословит «колоссальные победы» немцев.

Засим наступает очередь Геббельса. Он бережно собирает стряпню из лакейской, печатает ее в своих газетах с припиской: «Как сообщают иностранные источники...»

Все это делается для того, чтоб хоть кое-как успокоить население Германии. Но больше всего для собственного успокоения.

Проклятые нервы!..

Г. РЫКЛИН

ГРУБАЯ ОШИБКА

Рис. Б. Клинка

— Странно: взбесился фюрер, а на цепь посадили нас.

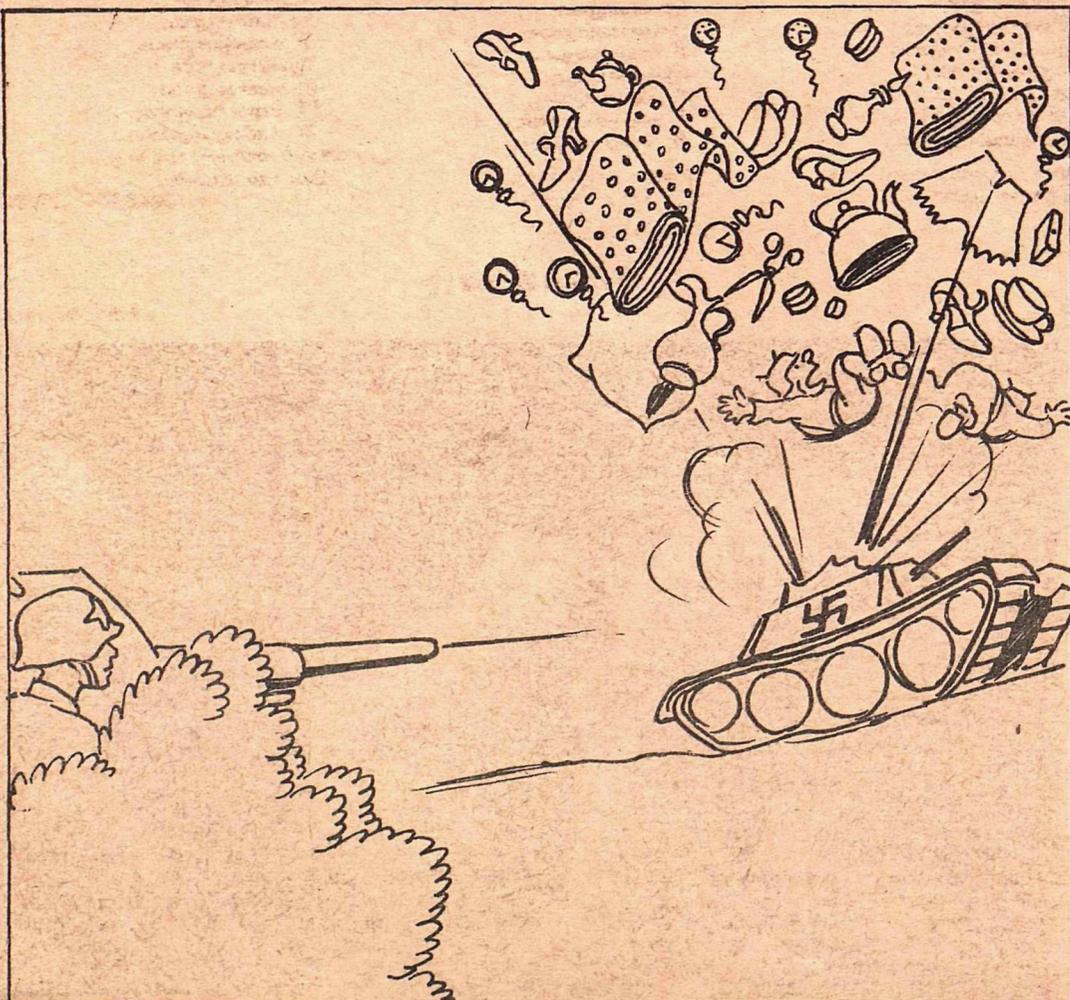
«ФЮРЕР»

Он двоедушен, двуязычен
(Всегда коварен мелкий ум).
Ну, что ж, учтем, что он двуличен —
Удвоим дозу зуботычин.
И будем бить... по лицам двум!

М. Я.

БОЕВАЯ ЕДИНИЦА

Рис. А. Баженова

В этой маленькой танкетке
Есть помада и духи...

ВСЮДУ

Рис. К. Гогберидзе (красноармеец Н-ско)

— Откуда, по
— С фронта.
— С тыла.

Своя рука

Генерал. Господин фюрер, честь имею доложить: принесли военную сводку. Разрешите пустить ее в печать?

Гитлер. Э, нет, погоди... Отныне я сам решил проверить сводку... А то газеты печатают всякую чепуху... Какие-то наши потери печатают... Какие там могут быть потери?!.. Победоносная армия!!! Прошла сквозь всю Европу — и вдруг — здравствуйте, я ваша тетья — крупные потери на восточном фронте... Чепуха... Подрыв авторитета... Дай-ка сюда эту сводку...

Генерал. Есть — дать сюда эту сводку.
Гитлер (читает). Что? Что?.. Сколько? За один день мы потеряли 430 танков... Ай, это много.

Генерал. А вы первую четверочку скостите — вот оно и будет в меру — 30 танков.

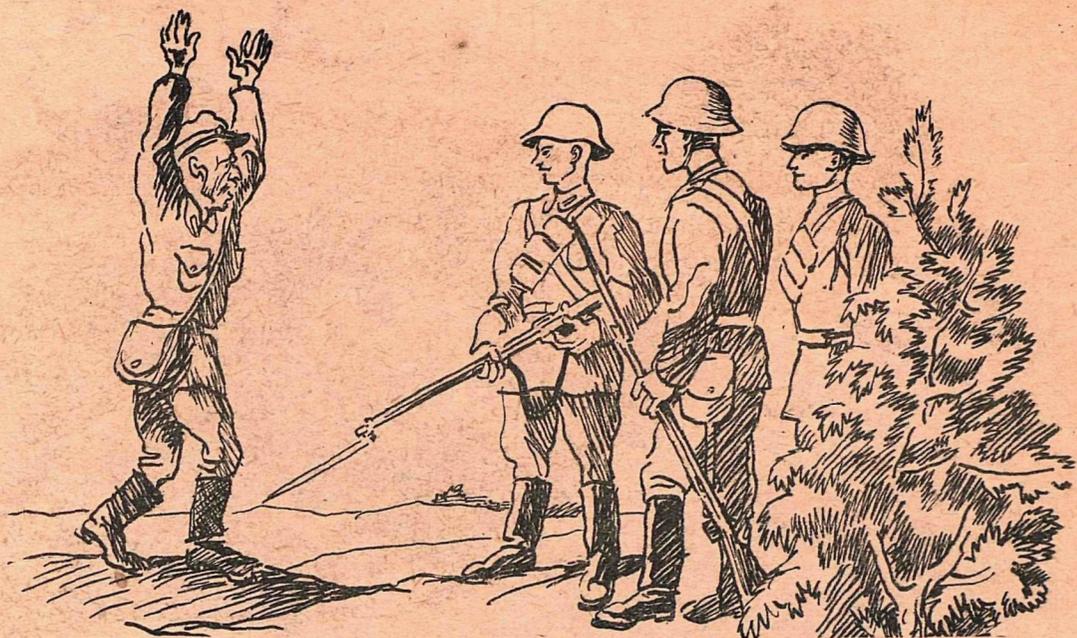
Гитлер. И то правда... (Поправляет.) Значит, мы потеряли 30 танков... А не много ли мы потеряли, генерал? Все-таки 30 танков — это порядочная потеря.

Генерал. А вы справа нолик скостите — вот оно и будет в самый раз.

Гитлер. Ты находишь? Тогда нолик сократим... Итого мы потеряли три танка. (Исправляет.) Вот теперь бери сводку, пусть печатают... Погоди, погоди... Ну куда бежишь?.. Государственное дело, а он бежит... Может, лучше не мы потеряли при танка, а они?

олковник?
А вы, майор?

— Что, брат, в плен?
— Нет, из плена.

Все до одного!

1

Эта маленькая повесть
Началась еще вчера:
Дело делали на совесть
Заводские мастера.
На заводе «Станкостали»,
Где ребята с головой,
Без аврала выполняли
План досрочно годовой:

Фрезеровщики,
Установщики,
Револьверщики
И шлифовщики,
Арматурщики
И лекальщики,
И строгальщики,
И клепальщики...

Ровным счетом, итого —
Все до одного!

2

Через красную границу
Прут враги за рядом ряд.
За страну свою сразиться
Все рабочие хотят.
Велико станков значение.
Кто ж работать будет тут,
Если вступят в ополчение,
Если в армию уйдут:

Фрезеровщики,
Установщики,
Револьверщики
И шлифовщики,
Арматурщики
И лекальщики,
И строгальщики,
И клепальщики...

Боевые до чего
Все до одного!

3

На вопрос большой и острый
Жизнь вам даст ответ, бойцы:
У станков вас сменят сестры,
Жены, матери, отцы.
К нам не суйтесь, нас не троньте,
Наш народ к борьбе готов.
Хоть рабочие на фронте,
Но как прежде у станков:

Фрезеровщики,
Установщики,
Револьверщики
И шлифовщики,
Арматурщики
И лекальщики,
И строгальщики,
И клепальщики...

Ровным счетом, итого —
Все до одного!

ВИКТОР ТИПОТ

ЯЗЫКОВОД

Рис. Н. Лиса

а—владыка

Генерал. А в самом деле, пусть это они три танка потеряли. Что ж нам, в самом деле, с противником церемониться?

Гитлер. И то правда. Так им. (Исправляет.) Значит, противник потерял три танка. На, сводку, бери. Погоди, погоди... Слушай, друг, а не мало ли они потеряли: только три танка? Как ты находишь?

Генерал. Это они мало потеряли. Не прибавить ли нам нолик справа?..

Гитлер. И то правда — прибавим нолик... Значит, противник потерял 30 танков... Вот оно теперь как будто и ничего себе получилось...

Генерал. Если б они еще больше потеряли, — это бы вдохновило армию.

Гитлер. Тогда прибавим впереди единицу. (Исправляет.) Сто тридцать танков потерял противник. Правильно.

Генерал. Тогда уж лучше первоначальную цифру оставить. Зачем же искажать действительность?!

Гитлер. И то правда. Итак, значит, противник потерял 430 танков... На, бери сводку.

Генерал. И правильная цифра сохранилась, и авторитет не подорван.

Гитлер. Вот то-то и оно... Теперь я всегда сам буду проверять сводку. А то чепуху печатают.

Мих. ЗОЩЕНКО

— В одну ночь овладел тремя „языками“ — и все немецкими.

ФЮРЕР, НАКОНЕЦ, СДЕРЖАЛ СЛОВО
(Краткая история полка «Великая Германия»)

Рис. Бор. Ефимова

— Все вы получите земельное пространство на Востоке!

... И получили.

Среди жителей ада

БУКВАЛЬНО через десять минут после разгрома советскими войсками 39-го танкового немецкого корпуса генерал Шмидт, командовавший этим корпусом, очутился в аду. В первую минуту генералу показалось, что он попал в большой центр своей родной Германии: до того здесь было много жителей, хотя и бездыханных. Сотни тысяч соотечественников Шмидта — от солдат до генералов — нашли здесь свой последний, довольно комфортабельный приют.

— Кокнули? — спросил Шмидта подошедший к нему генерал Лансель, которого сюда тоже привела меткая красноармейская пуля.

Шмидт молчал. Молчали и его коллеги рассматривая изрешеченные генеральские штаны.

Тяжелую паузу нарушил командир бронетанкового полка полковник Ротенбург.

— Как же так, ваше-ство, — ядовито сказал он, — вы, можно сказать, лучший практик танкового вождения, гордость, так сказать, Германии, и вдруг такой конфуз: весь ваш корпус — тью-тю!

— А пошли бы вы к чертовой матери! — огрызнулся Шмидт. — Небось, вы тоже на всю Германию известны. А полк-то ваш тоже — тью-тю!

— Полк — не корпус, ваше-ство, — продолжал язвить Ротенбург, — вы, будьте добры, расскажите, как вас русские вместе со всеми солдатами и офицерами к праотцам отправили.

Генерал вспомнил, что ему придется весь век коротать с многотысячным населением ада, и стал словоохотливее.

— Было дело так, — начал свое грустное повествование его превосходительство. — Шел бой. Красные стремительно отступали вперед. Мы победоносно откатывались назад. В 15.00 я по обыкновению пообедал и выпил полагающуюся порцию минеральной воды. Для лучшего сварения желудка я собирался проделать свой обычный моцион, т. е. побегать с километр по лужайке. Бегу. Гляжу: за мной бежит русский солдат. Решил я, что он тоже выпил бутылку минеральной воды и тоже совершает свой послеобеденный моцион. Ну, оказалось, я ошибся. Солдат кокнул меня пулей и... вот... я здесь, среди вас...

Опять воцарилась длительная пауза.

Вдруг двери ада широко раскрылись и на пороге показалась еще одна генеральская растерзанная фигура.

— Ба! Какими судьбами?! — приветствовал его Шмидт.

— Ну вас к дьяволу! — прошипел генерал. — По милости русских партизан очутился я здесь с вами, побитыми войсками.

— Как же так, — не унимался Шмидт, — вы, можно сказать, лучший теоретик танковой войны, гордость, так сказать, Германии и вдруг потерпели поражение от каких-то нецивилизованных партизан! Нехорошо-с, ваше-ство! Что скажет наш дорогой фюрер?!

— А пошли вы к чертовой матери вместе с фюрером! — окрысился генерал. — Вы, герр Шмидт, лучший практик танковой войны, а я лучший ее теоретик. Вас красные на тот свет отправили, а мне что прикажете делать? Русские утверждают, что теория, оторванная от практики, мертва. Ну, вот они и послали меня к вам...

Шмидт больше вопросов не задавал.

Двери ада опять раскрылись. Дежурный черт зычным голосом объявил о прибытии только что уничтоженных советскими войсками солдат и офицеров 137-й немецкой дивизии.

И. ВЕРХОВЦЕВ

ПЕСЕНКА

— Гитлер, Гитлер, где ты был?
— Я на фронте водку пил.
Выпил рюмку, выпил две,
Мнилось, будто я в Москве.

ТРУДНО сказать, в какой из европейских стран это происходило. Может быть, в Норвегии, а может быть, в Испании. Может быть, в Болгарии. А может быть, и в Испании, и в Норвегии, и в Болгарии, и еще в каких-нибудь других странах.

В плохоньком кабаке за двумя соседними смежными столиками сидели два одиноких прохвоста. Один прохвост был толстый, сытый, пожилой. Другой прохвост был победнее, помоложе и очень тощий.

Толстый, пожилой прохвост долго искал взгляда худого прохвоста. Наконец, встретился с ним глазами, засопел, улыбнулся и сказал:

— Молодой человек, разрешите вас угостить стаканчиком горяченького. Присядьте ко мне.

Худой сразу же поднялся и, бормоча благодарности, перешел за столик к толстому. Оба чокнулись и выпили.

— Как делишки?—спросил толстый.

Худой отвернулся и помахал рукой в воздухе.

— Работа у вас есть?

Худой отвернулся еще больше и помахал еще дальше.

— Что ж так? Вы, может, чего доброго, коммунист?

— Какой я коммунист?.. Три привода имею и одну судимость...

— Нет, серьезно? Послушайте, молодой человек, тогда у меня есть к вам очень интересное предложение.

— Какое?

— Поступайте-ка вы добровольцем в голубую дивизию, которую мы создаем для борьбы с большевиками.

— Это значит воевать? Благодарю покорно.

— Ну, и что ж такого, что воевать! С большевиками война нестрашная.

— То есть почему не страшная?

— А потому. Оружия у них нету, самолетов нет, танки, какие были, все побиты... Так — военная прогулка будет. А зато, если вы отличитесь в бою, какие награды выдают! Например один немецкий ефрейтор вчера уничтожил танковый батальон Красной Армии. Так что же вы думали? Сам фюрер пожаловал ему...

— Позвольте, позвольте, вы же сами говорите, что танков у большевиков уже нету.

— В общем, конечно, нету, но на вас хватит.

— Вот и я так думаю, что на меня хватит. Сделают из меня свиную отбивную раньше чем фюрер надумает меня наградить.

— Бросьте, молодой человек, что за пессимизм в вашем возрасте! Вы подумайте вот о чем: здесь вы булочку какую-нибудь стянули с прилавка — и сейчас же привод, судимость, шельмование. А на фронте кого хотите грабят, что хотите воруют, кроме, конечно, казенного имущества, вам только спасибо скажут. Ну идет, что ли? Как вас записать?

— Подождите вы записывать. Я люблю... ну, как бы это сказать? — нарушать уголовный кодекс в мирной обстановке, а если, например, я ворую, а в меня стреляют, то я как-то, знаете, всегда терпюсь.

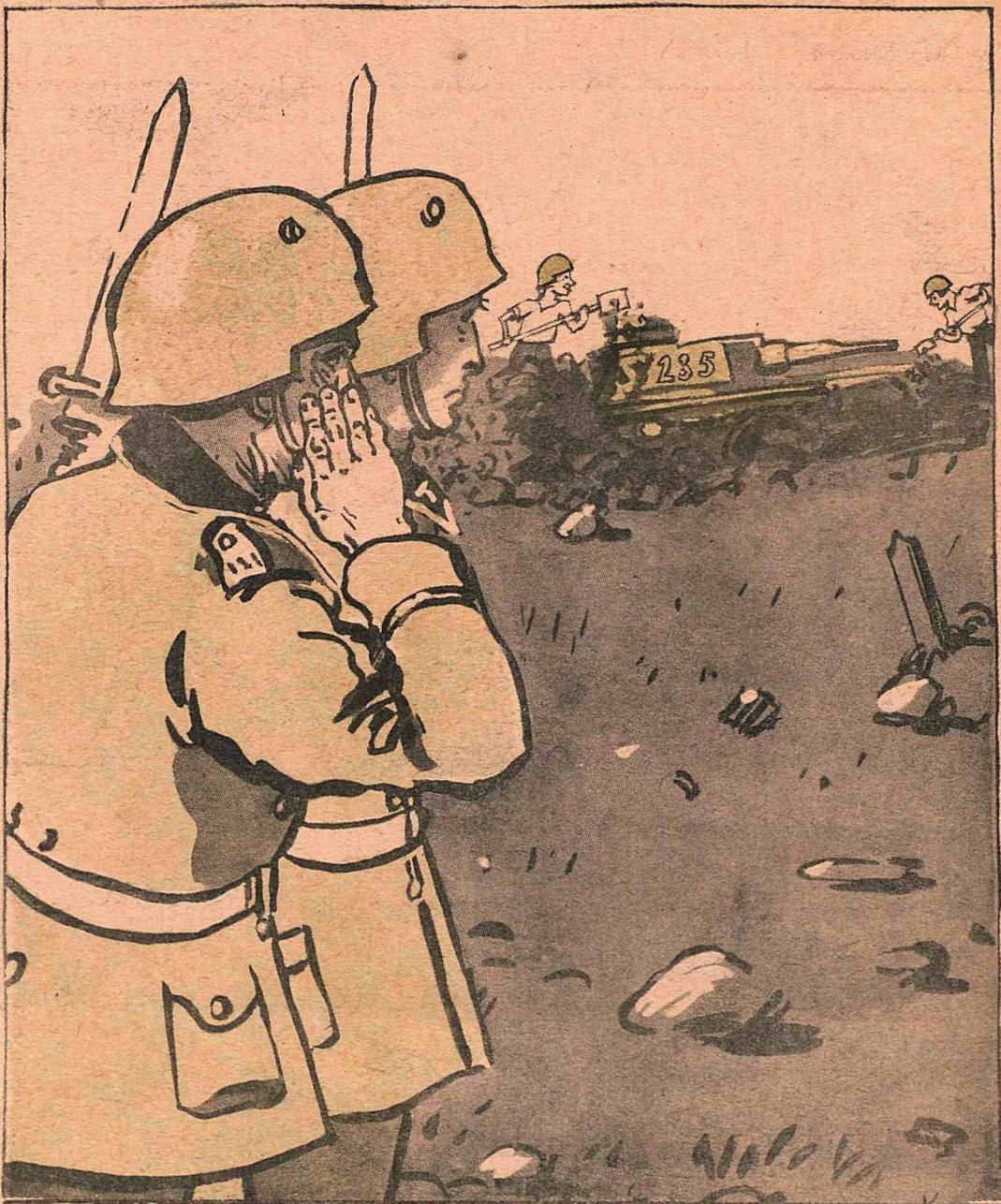
— А чего тут терпюсь? В вас стреляют? А вы стреляйте обратно. Еще посмотрим кто кого!

— Да вы-то посмотрите кто кого, а мне смотреть, наверное, не придется.

— Если даже вас убьют, то вы до этого уничтожите, по крайней мере, пятьдесят этих русских... А если бы вы знали, как девушки любят молодых людей, которые носят красивую форму!.. Сейчас вы получаете полную экипировку: мундир со светлыми пуговицами, высокие сапоги, золотой галун здесь и здесь...

— Я как раз думал о красивой форме. Лучше уж тогда поступить в похоронное бюро — в факельщики. Очень изысканно одеваются факельщики. И потом лучше присутствовать на чужих похоронах, чем на своих.

— Да, но девушки...

— А знаешь, Фриц, гораздо лучше было бы вместо танков сразу зарыть нашего фюрера.

— А девушки — они не очень в формах разбираются. Можно поступить в факельщики, а девушкам говорить, что я в толубой дивизии.

— Значит, не записываетесь?

— Скорее всего, нет.

— Вот чорт! Хоть бы одного дурака угорить... За всю неделю никто не записался.

— Да, работка у вас неважная. Честь имею. Спасибо за угощение.

— Как, то есть за угощение? Винова-ат... Я думал, что угощаю будущего бойца за священное дело цивилизации, а если вы такой трус, платите сами.

— Мне платить нечем. Всего лучшего. Когда наберете голубую дивизию, дайте телеграммку.

Худой прохвост, пославши воздушный поцелуй, быстро вышел на улицу. А толстяк, побряхтев и повздыхав, пересел в другой конец зала: там увидел он одинокого молодого человека. Показавши фальшивые зубы в не менее фальшивой улыбке, толстяк сказал:

— Молодой человек, разрешите вас угостить стаканчиком горяченького...

— А я, знаете, в добровольцы все равно не пойду, — ответил молодой человек...

В. АРДОВ

Разговор двух солдат

— «Никто не услышит нас в этих кустах... Скажи мне: о чем ты задумался так?»

— «О чем же думать нам сейчас?»

Ты жив?

Будь рад!..

Сам фюрер думает за нас,

За всех

«солдат».

— «Признаться, желудок отчаянно пуст... Коровою был бы, глодал этот куст...»

— «Зачем же кушать нам сейчас?»

Ты жив?

Будь рад!..

Сам фюрер кушает за нас,

За всех

«Солдат».

— «Ты слышал, что фюрер сегодня опять Прислал нам приказ боевой — наступать?»

— «Наплюй на фюрера приказ!»

Ты жив?

Будь рад!..

Пусть издыхает сам за нас,

За всех

«Солдат!»

Н. КОЛЕСНИКОВ

ПОД ВАРШАВОЙ

Рис. Л. Бродаты

Советско-польское соглашение вступило в действие.